

Впечатляющий итог. Последняя книга Всеволода Овчинникова «Два лица Востока»¹

В рецензируемой книге известный журналист-международник Всеволод Овчинников подвёл итоги многолетним наблюдениям и размышлениям над национальными характерами японцев и китайцев, которые он не совсем точно именует «национальными менталитетами» (с. 6). Генеральная идея, красной нитью проходящая через всё содержание книги, состоит в том, что «наши дальневосточные соседи — Китай и Япония — сумели осуществить „модернизацию без вестернизации“. То есть совершить рывок на лидирующие позиции в мире, сохранив свою национальную самобытность» (с. 7). Такого рода феномен имеет большое распространение в современном мире среди развивающихся стран, в том числе это характерно и для постперестроечной России. На протяжении большого отрезка времени Россия испытывает танталовы муки, стремясь обрести национальную идею и одновременно сохранить те части духовного наследия, которые составляют предмет её национальной гордости. По этому поводу может возникнуть закономерный вопрос: почему Японии и Китаю удаётся сочетать, по выражению японского мыслителя Сакума Сёдзан, «западную технику и восточную мораль», а нашему обществу — нет, в чём причины этого, является ли подобный результат неизбежным?

В книге большее внимание уделяется Китаю, чем Японии. Автор мудро пользуется историко-сравнительным методом для характеристики развития различных сторон жизни обоих государств, подчёркивая, что, несмотря на одинаковые цивилизационные истоки, у дальневосточных соседей различий гораздо больше, чем сходств. Вдумчивый наблюдатель, В. Овчинников выявляет основополагающие черты китайского национального характера. В первую очередь он подчёркивает их «целеустремлённость и настойчивость, граничащие с упрямством и одержимостью» (с. 61). Говоря о сходстве и различиях китайцев и японцев, автор совершенно справедливо замечает, что «во многом они схожи, как близнецы, но в чём-то диаметрально различны, как антиподы» (с. 112).

---

¹ Овчинников Всеволод. Два лица Востока. М.: АСТ: Жанры, 2014. 352 с.

Доминантой развития китайского национального характера В. Овчинников считает «наивный эгоцентризм». В связи с этим он пишет: «Под его воздействием в сознании китайских правителей укоренилось пренебрежение к остальному миру — изоляционизм и консерватизм. А это привело к роковым последствиям, когда с середины XIX в. Китай стал объектом колониальной экспансии западных держав и Японии» (с. 117). Наблюдая за традиционной китайской архитектурой, автор делает весьма остроумное замечание: «Своей расчерченностью и симметрией город отражает присущий китайскому характеру рационализм, склонность к субординации и порядку» (с. 118).

Далее автор прослеживает влияние на формирование китайского национального характера «трёх великих учений» — конфуцианства, даосизма и буддизма. Нельзя не согласиться с характеристикой конфуцианства, данной автором книги: «Строго говоря, это не религия, а морально-этический кодекс. Его главная цель — нравственное совершенствование человека» (с. 118). Против этого трудно что-либо возразить.

В. Овчинников даёт развёрнутую характеристику влияния даосизма на национальный характер китайцев: «Если конфуцианство родилось как протест против смутного времени, то даосизм можно считать реакцией на деспотизм власти» (с. 118). «Даосизм осуждает не только деспотический произвол, но и моральные заповеди. Это призыв сбросить оковы власти, бремя обычаев и традиций, вернуть народ к примитивной простоте и неведению» (с. 199). Завершая свою характеристику даосизма, автор пишет: «Даосизм был в Китае как бы диссидентской идеологией... Если конфуцианство служило моральным компасом верхов общества, то даосизм отражал мировоззрение низов и потому может считаться народной религией» (с. 119).

Характеристика буддизма у автора сводится к следующему: «В основе учения Будды лежат четыре истины. Первая: жизнь полна страданий. Вторая: причиной их служат неосуществлённые желания. Третья: чтобы избежать страданий, надо избавиться от желаний. Четвёртая: дабы достичь этого, нужно пройти путь из восьми шагов. Нужно сделать праведными свои взгляды, представления, слова, поступки, быт и, наконец, стремления, мысли, волю» (с. 120).

Обобщая вышесказанное, автор пишет: «Итак, даосизм проповедует недеяние, а буддизм — нежелание. Это привело к их своеобразному сосуществованию на китайской почве. В древности не было чёткой грани между религией, философией и наукой. Применительно к Китаю можно сказать, что „три великих учения“ как раз и олицетворяют эти ветви духовной культуры. Буддизм — прежде всего религия. Даосизм — диалектическая философия. Конфуцианство — наука, именуемая этикой» (с. 120).

Нужно согласиться и с оценкой школы Чань в истории развития народов Дальнего Востока: «Школа Чань (по-японски Дзэн) на многие века определила „философию жизни“ народов Дальнего Востока, своеобразие их этических и эстетических воззрений» (с. 123).

Весьма ценными представляются оценки, данные автором переменам в идеологии и социальной психологии, которые произошли в период рыночных реформ в Китае. Так, по поводу официальной идеологии В. Овчинников замечает: «Ныне вместо марксизма-ленинизма официальной идеологией стал патриотизм» (с. 166). Весьма точно автор подмечает важную перемену в психологическом портрете поколения так называемых «маленьких императоров», появившегося в результате проведения политики ограничения рождаемости: для них характерен ярко выраженный эгоизм (с. 35). На с. 167, рассуждая об особенностях мышления китайцев, автор, по существу, подтверждает данную ему в своё время А. Кобзевым характеристику нумерологического мышления.

Во второй части своей книги В. Овчинников даёт характеристику национальному характеру японцев, широко пользуясь сравнениями с китайским национальным характером: «Несколько утрируя, скажу, что китайцы — это немцы Азии. В своём поведении они руководствуются логикой и рассудком. Японцы же в этом смысле — русские Азии. У них преобладают эмоции и интуиция. Коренится же этот контраст в отношении к природе, то есть к естественному, и к тому, что создано человеческими руками, — к искусственному» (с. 212).

Размышляя о тенденциях в развитии национального характера японцев, автор приходит к очень важному выводу: «Япония являет собой как бы двоякий пример для человечества. С одной стороны, своим жизненным укладом японцы опровергают домыслы о том, что современная цивилизация обедняет духовную жизнь человека, заслоняет от него мир прекрасного. С другой стороны, облик Японских островов тревожнее других уголков Земли предостерегает нас против губительных последствий неразумного природопользования» (с. 219). В заключении своей книги автор рассуждает о «культе эпатажа», присущем, с его точки зрения, японской молодёжи (с. 331).

Вне всякого сомнения, новая книга Всеволода Овчинникова — это незаурядный труд, многое дающий для уяснения особенностей современного развития Китая и Японии.

В.В. Совастеев, доктор исторических наук, профессор,

П.Л. Горбенко, преподаватель кафедры всеобщей истории, археологии и антропологии ДВФУ